

УДК 9

DOI 10.21661/r-112752

Е.Л. Киселева

**«ВСЕ, ЧТО БЫЛО НЕ СО МНОЙ, ПОМНЮ...».
МЕТАМОРФОЗЫ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ
В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ ВОЙНЫ И ПРОБЛЕМА
ДОСТОВЕРНОСТИ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ**

Аннотация: статья посвящена проблеме влияния восприятия массовым сознанием окружающей обстановки в условиях войны на достоверность данных исторических источников. В центре внимания документы расследования фактов гибели заключенных нацистских лагерей в портах городов Гдыни и Данцига накануне их освобождения частями Красной Армии, проведенного в марте-июне 1945 г. Автор пришел к выводу о том, что, хотя показания военнопленных требуют пристального внимания с точки зрения достоверности отражения в них отдельных событий, это ценный источник по социальной истории Второй мировой войны.

Ключевые слова: Гдыня, Данциг, коллективная память, достоверность источника, военнопленные, концлагерь, лагерь военнопленных, социальная общность.

E.L. Kiseleva

**“I REMEMBER EVERYTHING THAT HAPPENED TO OTHERS...”
METAMORPHOSES OF THE COLLECTIVE MEMORY
IN EXTREME CONDITIONS OF WAR AND RELIABILITY
OF HISTORICAL SOURCES PROBLEMS**

Abstract: the article is devoted to the problem of the influence of the mass consciousness perception under war conditions on the historical sources accuracy. In particular it deals with the investigative materials on the facts of detainees' death in fascist prison camps in ports of Danzig and Gdynia on the eve of their liberation by the Red Army in March-June, 1945. The author came to the conclusion that although war prisoners' testimony requires close attention from the point of view of reliability of

their separate events perception, still it remains as a precious source of social history of World War II.

Keywords: *Gdynia, Danzig, collective memory, source reliability, prisoners of war, concentration camp, prison camp, social community.*

...Люди привыкли к насилию и к преднамеренному искажению фактов, они были преисполнены ненависти и духа мщенья.

Джавахарлал Неру «Взгляд на всемирную историю»

Исследования в области социальной истории, так или иначе, связаны с изучением общественного поведения отдельных групп в экстремальных условиях политических и вооруженных конфликтов, революций, т.е. с анализом в историческом контексте явлений, которые в социальной психологии определяются как коллективное поведение в толпе [4, с. 130–135].

Вряд ли кто-то будет спорить с тем, что война нарушает нормальное течение человеческой жизни. В результате двух мировых конфликтов XX столетия человечество узнало страшную трагедию военного плена. Жестокая система принудительного труда и страшная машина массового уничтожения людей в концлагерях и лагерях, созданных нацизмом в период Второй мировой войны, остаются за гранью постижимого и заставляют задаваться вопросом, как люди выживали в этом безумии.

Исходя из существующего в современной социальной психологии понимания общности как социального объединения, возникающего спонтанно [4, с. 10] вполне допустимо, как нам кажется, говорить о такой особой социальной общности, как узники концлагерей и лагерей военнопленных.

С точки зрения социальной психологии объединяющим признаком социальной общности выступает интерес [4, с. 16]. Всех заключенных нацистских лагерей объединяло одно желание выжить. Борьба за жизнь в лагерях сплотила эту общность на долгие годы. У нее формировалась особая «коллективная память». Не случайно после войны в Европе возникли международные комитеты узников концлагерей. Правда в СССР такое

объединение узников концлагерей и бывших военнопленных стало возможным только после Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об устранении последствий грубых нарушений законности в отношении бывших военнопленных и членов их семей» от 29 июня 1956 г., т.е. когда к военнопленным перестали относиться как к изменникам.

В созданном в сентябре 1956 г. Советском комитете ветеранов войны (СКВВ) активно работала секция бывших военнопленных. Как свидетельствуют документы архивного фонда СКВВ, бывшие узники стремились к встречам и общению. Они хотели, спустя годы, осмыслить то, что им пришлось пережить, пытаться рассказать об этом потомкам.

Одним из первых произведений, где в художественной форме получили отражение воспоминания узника концлагеря, была книга литовского прозаика, литературного критика и переводчика Балиса Сруога «Лес богов», написанная в 1947 г., изданная и переведенная на русский язык в 1957 г. [6]. Балис Сруога – узник концлагеря Штуттхоф был в числе освобожденных, которые в мае 1945 г. были опрошены органами «СМЕРШ» 2-го Белорусского фронта. Его показания в форме свободного рассказа об устройстве и деятельности концлагеря сохранились в составе фонда «Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков...» (ЧГК) [1, оп. 106, дд. 2, 3].

Показания узников концлагерей и лагерей военнопленных людям в погонах – первые систематизированные воспоминания о пережитом, попытка освобождения от «жестокой памяти».

В составе фонда ЧГК сохранились комплексы протоколов допросов узников концлагеря «Освенцим», шталага 318 (344) Ламсдорф, показаний военнопленных шталага 326 (Германия). Кроме того, в материалах комиссии имеются отдельные протоколы допросов военнопленных о лагерях, созданных на территории бывшего СССР.

В рамках данной статьи мы хотели остановиться на некоторых особенностях этого комплекса документов, которые необходимо учитывать при работе с ним.

По сути, в распоряжении историка – воспоминания. При работе с этим видом источника особое значение приобретает вопрос достоверности, поскольку он всегда содержит в себе элемент субъективности. Она обусловлена особенностями восприятия событий автором воспоминаний.

При обращении к показаниям военнопленных всегда следует принимать во внимание тот факт, что они проникнуты чувством глубокой ненависти к врагу, которую в той ситуации заключенные лагерей не могли не испытывать. Поэтому всегда необходимо учитывать намеренный «эмоциональный накал» источника. Нельзя упускать из вида и то обстоятельство, что чувство страха в экстремальных условиях войны также могло оказывать существенное влияние на объективность восприятия.

Показательны в этом смысле «материалы расследования фактов истребления советских военнопленных и военнопленных союзных армий немецким командованием в концлагерях районе Данциг (Гдыня)», проведенного в марте-июне 1945 г., отложившиеся в фонде ЧГК.

В ходе Восточно-Померанской операции войсками 2-го Белорусского фронта на севере Польши были освобождены два портовых города: Гдыня (28 марта 1945 г.) и Гданьск (30 марта 1945 г.). Здесь, по данным полученным «Управлением Уполномоченного при Совете Министров СССР по делам репатриации» от военных миссий союзных стран, находилось несколько лагерей военнопленных и гражданских лиц [2, д. 85, лл. 1–3]. После их освобождения начался традиционный опрос. О его результатах сообщалось в докладной записке уполномоченного по делам репатриации генерал-полковника А.Ф. Голикова от 28 апреля 1945 г., направленной И.В. Сталину, Н.А. Булганину, Л.П. Берии и А.Я. Вышинскому, Г.М. Маленкову:

«По сообщениям советских граждан, освобожденных из немецкого плена, стало известно, что немцы в районах Данциг – Гдыня и далее топили пароходы

и баржи с советскими гражданами и военнопленными союзных нам армий» [2, д. 84. л. 215].

Как свидетельствует справка, прилагаемая к докладной записке, в конце марта – апреле 1945 г. по данному факту в СПП 19 Армии было проведено официальное расследование. Были опрошены немецкий полицейский Пауль Вернер и 100 освобожденных военнопленных» [2, д. 84. л. 217].

В докладной записке А.Ф. Голикова упоминались показания четырех военнопленных (их фамилии имена, отчества не будем здесь называть из этических соображений – Е.К).

В составе фонда ЧГК отложилось 24 справки с показаниями военнопленных по данному факту, датированных апрелем 1945 г., в числе которых содержатся и показания военнопленных, упомянутых в докладной записке:

«Ф.: «...Находился в плену в Гдыня, показал, что 30 марта 1945 года немцы посадили гражданских немцев и русских жен и детей на пароход и потопили в море около трех тысяч. Я видел лично с горы, где работал на окопах».

Л.: «...Показал, что в маленьком порту Оксава 30 марта 1945 немцы посадили на баржу 250 человек и потопили. Я видел своими глазами».

П.: «...Примерно числа 2 апреля сего года из порта Гдыня на буксире у катера вышла баржа с военнопленными, где находилось около 500 человек. Отойдя от берега, буксир отцепил данную баржу, сам ушел, а по ней с берега немцы открыли оружейный огонь, в результате чего все погибли».

Б.: «...22 марта 1945 г. в порту Гдыня производилась погрузка двух больших кораблей из них: один под названием «Рава» и другой «Дамфург». Производилась погрузка вооружения: 50 больших орудий, часть подбитых танков, немецких и русских. Погрузка производилась русских военнопленных, нескольких партий по 250–300 человек, а также англичан 200 человек, американцев 150 человек (даже один американец подарил мне ремень), чехи, поляков французы и других национальностей, часть немцев были тоже погружены. 22 марта 1945 г. 8–9 часов вечера пароходы, т.е. корабли отошли из бухты по направлению в гор. Киль. 23 марта 1945 г., утром, 8 часов, поляк Кус

заявил, что 2 корабля, полностью груженные, отошли на расстояние 6–8 километров от контрольных ворот и были взорваны и потоплены. Поляк Кус – портовой мастер заявил, что оба корабля взорвали немцы, но позднее пустили слухи, что корабли подорвали английские подводные лодки» [1, д. 3, лл. 17, 13, 29, 7].

Как позволяет заметить анализ показаний других военнопленных, допрошенных в ходе расследований в апреле 1945 г., еще 3 человека «своими глазами» видели потопление пароходов и барж с людьми, остальные же, хотя и были уверены в самих фактах, но говорили, что «пользовались слухами», которые упорно ходили в лагерях.

В экстремальных условиях лагерной жизни, при полном отсутствии информации слухи, приобретали особое значение. Так, протоколы допросов узников концлагеря «Освенцим» свидетельствуют о том, что, находясь в замкнутом пространстве лагеря, люди передавали друг другу по лагерному «сарафанному радио», то, что видели, слышали, то, что сами пережили [3, с. 76–77].

Для предъявления официальных обвинений немецкой стороне по факту массовой гибели людей в портах, показаний военнопленных было явно недостаточно. Поэтому начальник Отдела репатриации при Военном совете 2-го Белорусского фронта полковник Кондратенко направил в мае 1945 г. в Гдыню и Данциг майора Пичугина «с целью собрать полный материал об указанном злодеянии немцев для доклада государственной Чрезвычайной комиссии» [1, д. 3, л. 34]. Однако, как свидетельствуют показания военнопленных, допрошенных в мае 1945 г., и доклад Пичугина, восстановить цепь событий, происходивших в польских городах накануне наступления Красной Армии так и не удалось [д. 3, л. 31–32].

В июне 1945 г. в составе комиссии ЧГК под председательством Кудрявцева в Данциг выехал сотрудник Управления Уполномоченного при Совете Министров СССР по делам репатриации полковник Цибульников. Совместно со

следователем окружной прокуратуры г. Данцига он также расследовал факт потопления пароходов и барж с людьми.

По данным его докладной записки в городах Данциг и Гдыня было дополнительно опрошено 150 человек советских граждан, 49 человек поляков, работавших в порту, 70 рыбаков побережья и лоцманы порта Гдыня.

Все опрошенные подтвердить факты потопления пароходов с людьми не смогли. В ходе обследования 117 затопленных судов водолазами «Эпрон» «массовых трупов установлено не было» [2, д. 89, л. 120].

В результате Доклад Пичугина и материалы по итогам расследования, проведенного Цибульниковым, оказались в архиве ЧГК, т.к. определить состав преступления так не удалось.

Возможно, восстановить хронологию событий и понять, что же происходило в портах Гдыня и Данциг в январе – марте 1945 г. поможет изучение немецких документов.

В рамках обозначенной темы нас больше интересует вопрос: Почему стала возможна такая метаморфоза в «коллективной памяти»? Отчасти ответ на этот вопрос нашли современники событий. Как писал Цибульников, цитируя доклад Пичугина: «Циркулируют только слухи, большинство опрошиваемых людей уверены, что немцы топили людей лишь потому, что они заклятые враги и способны на всякие зверства» [2, д. 89, л. 125].

Только ли ненависть способствовала тому, что опрошенные в ходе расследований выдавали воображаемое за действительное? Интересен тот факт, что военнопленные на основании показаний, которых была составлена вышеупомянутая докладная записка А.Ф. Голикова от 28 апреля 1945 г. в ходе допросов в июне практически повторили свои показания.

Допрошенный в апреле Ф. в июне, несколько изменив дату события, сообщил следователю:

«...24 марта 1945 г. рано утром я и другие военнопленные были свидетелями такого случая: На пароход белого цвета (названия не знаю) было погружено около 3000 мирного населения. Здесь были немцы, французы и

большее количество русских. Пароход отошел от берега метров 200, дал 2 гудка и начал тонуть. Все находящиеся на пароходе люди погибли. Спаслась полностью команда парохода на лодках. Причины потопления парохода сказать не могу» [1, д. 3, л. 59].

Военнопленный Л. на повторном допросе рассказывал: «...После того как на баржу погрузили 350 человек военнопленных, исключительно русских, баржа отплыла по направлению косы Пилава, которая с места погрузки была хорошо видна. Не скрываясь с глаз военнопленных, баржа начала возвращаться к нам без людей. Все мы убедились, что посаженные на баржу военнопленные потоплены, путем открытия дна баржи» [1, д. 3, л. 55].

Из протоколов допросов военнопленных и гражданских заключенных видно, что многие непосредственно наблюдали за погрузкой на пароходы и баржи людей и техники или строили плоты в портах. При этом каждый опасался собственной погрузки на суда и всеми способами пытался этого избежать. Практически все опрошенные объясняли это тем, что в лагерях с января 1945 года распространились слухи, что пароходы и баржи топят. Многие из них, пройдя через различные лагеря, испытали на себе или были свидетелями «приступов» необъяснимой ярости и жестокости охранников лагерей по отношению к заключенным. Об этом можно найти сведения в протоколах допросов, освобожденных узников «Ламсдорфа», показаниях военнопленных Шталага 326 (Германия). Сообщали о жестокостях противника и военнопленные, допрошенные по факту потопления судов в портах Гдыня и Данциг: Так, военнопленный А.Ф. Финкельштейн сообщал, что лично видел «как немцы вешали русских, французов, итальянцев в лагере Гексенгрунде» [1, д. 3, л. 18].

В протоколах допросов военнопленного П.М. Ганжина содержатся упоминания о том, как приходилось укрываться от летящих осколков русской артиллерии, а «озверевшие немцы» закидывали гранатами «лощи», где прятались люди [1, д. 3, л. 22, 90, 91].

Среди людей, которые привыкли видеть смерть, слухи о потоплении судов распространялись с молниеносной быстротой, обрастая всевозможными, порой

невероятными, подробностями. «Коллективная память» социальной общности, объединяемой страхом, то и дело превращала предполагаемые события в реально произошедшие.

Чувство страха еще долгие годы будет объединять эту социальную общность. На смену страху смерти в концлагере придет другой страх – перед «своими». Военные следователи в каждом из них видели не только жертву нацизма, но потенциального изменника. Вчитываясь в тексты протоколов допросов, не трудно заметить, как допрашиваемые старались не называть фамилий и имен, тех с кем сталкивала лагерная жизнь, как часто сообщали искаженные данные о месте своего рождения и жительства, дабы уберечь семью от возможных репрессий.

В целом протоколы допросов и показания военнопленных ценный источник. В сведениях, обличающих врага, собранных намерено, есть множество ненамеренных свидетельств, необходимых для воссоздания социального образа войны, в его пестроте и многообразии.

Сегодня можно наблюдать тенденцию огульного недоверия источникам советского происхождения. В этом смысле не остались без внимания и документы ЧГК. Сторонники крайних суждений, как правило, ссылаются на конкретные примеры подтасовки фактов в угоду советской идеологической конъюнктуре, делая при этом глобальные выводы о недостоверности комплекса в целом [5].

Изучение любого источника всегда требует пристального внимания к нему. Работа протоколами допросов и показаниями военнопленных всегда должна сопровождаться дополнительной проверкой достоверности рассказа о тех или иных событиях. Однако вовсе не с целью «уличения во лжи» самого источника или его автора. Гораздо важнее понять, по какой причине возникли искажения.

Задача историка состоит в восстановлении исторических фактов важных для создания общей исторической картины, а также понимания социальных процессов, которые лежали в основе конкретных событий.

Массовый характер протоколов допросов и показаний узников концлагерей и лагерей военнопленных позволяет замечать «метаморфозы коллективной памяти», которые могли оказать влияние на достоверность сообщаемых сведений, тем самым, указывая исследователю на те «слабые места» источников, где необходима дополнительная и тщательная проверка достоверности.

Список литературы

1. ГА РФ. Ф. Р-7021.
2. ГА РФ. Ф. Р-9526 Оп. 6.
3. Киселева Е.Л. Документы концлагеря Аушвиц: проблемы и перспективы источниковедческого исследования // Сборник материалов научной конференции «Немецкий нацистский лагерь смерти – концлагерь «Аушвиц», состоявшейся 15 января 2015 г. в Центральном музее Великой Отечественной войны. – М., 2015. – С. 68–84.
4. Почебут Л.Г. Социальные общности. Психология толпы, социума, этноса. – СПб., 2005. – 284с.
5. Сорокина М.Ю. Люди и процедуры: К истории расследования нацистских преступлений // Военно-исторический альманах Виктора Суворова. Вып. 2. – М., 2013. – С. 71–126.
6. Сруога Балис Лес богов. – Вильнюс, 1958. – 501 с.

Киселева Екатерина Львовна – канд. ист. наук, заместитель начальника отдела научно-информационной и справочной работы ФКУ «Государственный архив РФ», Россия, Москва.

Kiseleva Ekaterina Lvovna – candidate of historical sciences, deputy head of Science, Information and Reference Department of FGI “State Archive of the Russian Federation”, Russia, Moscow.
